

## Этические понятия в русской религиозно-дидактической литературе XVII в.\*

Т. В. Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

**Для цитирования:** Чумакова Т.В. Этические понятия в русской религиозно-дидактической литературе XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 568–578. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.316>

Статья посвящена анализу этических понятий в русской религиозно-дидактической литературе XVII в. Основными источниками исследования были стали буквари, которые издавались в Москве. Это два букваря, изданных Василием Бурцовым, а также букварь Кариона Истомина, «Азбука с орацией» и рукописный сборник «Алфавитицы дидакала». Эти буквари можно рассматривать как религиозно-дидактическую литературу, поскольку помимо грамматики эти учебные пособия включали в свой состав «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, обширные религиозно-антропологические рассуждения, а также молитвы, Символ веры, Декалог (впрочем, он появляется только в тексте Кариона Истомина), Заповеди блаженства и другие тексты, входившие в католические катехизисы того времени, а также в «Исповедание веры» киевского митрополита Петра Могилы (для составления своего «Исповедания» Могила использовал католический катехизис). Но очевидно и влияние реформационных идей. Ряд произведений Кариона Истомина, и в первую очередь букварь, были написаны и проиллюстрированы под влиянием «Orbis sensualium pictus» последнего епископа «богемских братьев» Яна Амоса Коменского. Содержание этих пособий (включая визуальный контент) позволяет предположить, что их массовое издание во многом было спровоцировано той дисциплинарной революцией, которая началась после окончания Смутного времени. Создание нового царства было невозможно без новых людей, в основу образования которых были положены религиозные идеи и предписания. Этические понятия в этих книгах чаще всего почти неотделимы от религиозных предписаний, что объясняется вероучительными целями начального образования в России XVII в.

*Ключевые слова:* этические понятия, православие, религия в России, религиозно-дидактические сочинения, русская культура XVII в.

Интерес к изучению дидактической литературы XVII в. значительно вырос в последние десятилетия, что связано с усилением внимания исследователей как к этому важному переходному периоду в истории отечественной культуры в целом, так и к различным дисциплинарным и образовательным практикам Нового времени. На рост исследовательской активности бесспорно влияют новые методологические подходы к изучению культуры и религиозных феноменов XVII–XVIII вв. [1,

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли».

р. 4–8; 2], а также работы, в которых рассматривается роль культурных трансферов в религиозной жизни этого периода [3; 4]. Изучение истории понятий и истории этических понятий [5] также интенсифицировалось в последнюю четверть XX века, что связано с языковым поворотом в гуманитарных науках. Однако, несмотря на значительное число работ, посвященных религиозно-дидактической литературе, некоторые аспекты, в частности становление понятийно-категориального аппарата русской этической мысли, остаются еще малоисследованными.

После окончания Смутного времени, которое стало восприниматься (и этот образ закрепился в культурной памяти, став базисным мифом отечественной культуры) как эпоха слома и «разорения», точка бифуркации, светские и церковные власти начинают принимать меры по исправлению «поисштавшегося» благочестия [6]. Причины упадка институциональной религиозности были связаны с тем, что конец XVI — начало XVII столетия стали временем тяжелых испытаний для России. Эсхатологические настроения, страх и отчаяние, охватившие людей, способствовали росту религиозного разномыслия и появлению феномена «магии отчаяния» [7], выражавшегося в том, что утратившие надежду люди стали больше доверять колдунам, нежели священникам, и активно использовать маргинальные религиозно-магические практики. Это шло вразрез со стремлением как светских, так и церковных властей к построению новой теократической утопии, тесно связанной с династической идеей, с царским домом Романовых. Постепенно начинает вызревать идея дисциплинарной революции, призванной преобразить жизнь подданных, сделав их благочестивыми христианами. Забегая вперед, в конец петровской эпохи, надо отметить, что дисциплинарная революция в целом закончилась неудачей. В. М. Живов отмечал: «Вообще, для русских властей дисциплина была несравненно важнее каких-либо религиозных ценностей. Поэтому никакой интериоризации дисциплинарных ценностей не происходило, а реакция населения состояла в основном в изыскивании способов избежать государственного контроля и скрыться от принудительного надзора. В своей дисциплинирующей деятельности власть не искала и не находила никаких добровольных сотрудников. Вместо воспитания сознательных подданных и консолидации общества политика дисциплинирования лишь усиливала отчуждение населения от власти» [6]. Первые тексты, имеющие отношение к дисциплинарной революции XVII в., которая растянется до конца правления императора Петра I в XVIII столетии, появляются уже в 30-е годы XVII в., и в них отчетливо слышны призывы к преодолению хаоса и установлению порядка в богослужбной (с чем отчасти была связана «справа» таких богослужбных книг, как «Требники») и образовательной сферах. Одним из важнейших элементов религиозного дисциплинирования становится начальное образование, которое состояло в обучении грамоте и основам веры. Поскольку система образовательных учреждений в России в то время еще только начинала складываться, основная роль в элементарном образовании отводилась учебным пособиям.

Все учебные пособия для начального образования XVII столетия были направлены на то, чтобы сформировать моральный и религиозный «остов» человека еще в детском возрасте. В качестве примера можно привести небольшой трактат Ивана Хворостинина (ум. 1625) «О царствии небесном и воспитании чад». В этом произведении воспитательно-образовательный процесс основывался на катехизации ребенка и воспитании в соответствии с нормами религиозного благочестия. Та-

кой подход был вполне традиционным для славянской культуры. Обучение грамоте, вводящее человека в мир культуры, начиналось с так называемых «азбучных молитв», появившихся в обиходе Pax Slavica не позже IX в. Это тексты, которые использовались для обучения не только грамоте, но и правилам «устройства» человеческой жизни в мире, созданном богом для человека. Особый статус азбуки в славянской традиции был также связан с культом письменного слова, в принципе свойственным авраамическим религиям, в основе вероучительной системы которых лежат священные книги. В христианской традиции сакрализация букв получает христологический аспект: подобно тому как Бог Слово обретает плоть, рождаясь от Девы Марии, так и внутреннее слово (мысль) обретает «буквенную телесность». Христианская традиция (греческая и латинская) не была склонна к сакрализации букв, характерной для иудейской традиции, но у тех славян, которые приняли в качестве богослужебного языка церковнославянский, эта древнееврейская традиция вновь актуализируется, что связано с тем, что церковнославянский язык возник как язык богослужебный. Святость букв подчеркивалась во многих произведениях славянских книжников. В «Сказании о буквах» Черноризца Храбра она обосновывается тем, что буквы созданы святым: «Тем же словеньскаа писмена святешиа суть и честнейша. Святъ бо муж створил я есть, а гръчьскаа еллини погани» [8, с. 138] («Тем же славянские письмена святы и честны. Тем, что сотворил их святой муж, а греческие — эллины язычники»). В восточнославянской средневековой традиции результатом сакрализации письменного слова стало особое отношение к книге, и в частности негласный запрет на изложение «письменами» иных произведений, кроме как дидактического и богословского характера. Алфавитная молитва, с которой начинается учение, выстраивает «скелет» того культурного мира, частью которого становится ученик благодаря приобщению к книге. Сам мир для человека позднего средневековья уподоблялся книге, которую создал Бог: «Мир сей преукрашенный — книга есть велика, еже словом написа всяческих владыка», — писал Симеон Полоцкий» [9, с. 257–258]. Исследователи отмечают, что со времен «Константина Багрянородного заметно, что традиция алфавитных стихов приобретает новый “изгиб”»: стихи становятся не прямо молитвами, а выражением каких-либо моральных истин или пожеланий... В таком именно широком морализирующем содержании азбучные стихотворения утверждаются в русском обиходе, начиная с XII в. При этом азбучное стихотворение, или “азбуковик”, понимается как сборник нравственных правил, наставлений, расположенных в порядке церковнославянского алфавита по первой букве первого слова» [10, с. 103]. Таким же образом были устроены и буквари, которые, помимо начальных грамматических правил, включали в себя основы вероучения, молитвы и религиозно-нравственные наставления.

Все многотиражные буквари XVII — начала XVIII вв., от букваря Василия Бурцова 1634 г. до букваря Федора Поликарпова 1701 г., издавались по царскому указу, что отмечалось в предисловии. В 1634 г. московский типограф Василий Федорович Бурцов (1-я половина XVII в.) [11] пожалованный особым титулом «подъячего азбучного дела», тиражом 6 тысяч экземпляров по указанию царя Михаила Федоровича выпустил «Букварь» («Азбука»), а через три года — его новую редакцию, также большим тиражом [12]. Это были первые массовые издания учебников для начального образования в России. Их задачей было воспитание гармоничного че-

ловека. Букварь 1634 г. состоял из двух частей, в первой были грамматические материалы (алфавит, слоги, числа, надстрочные знаки и проч.), во второй — молитвы, притчи Соломоновы, среди которых помещена и «притча к сыну» [13, л. 52], и морально-этические предписания «образ есть отцем хотящим благочестиво воспитывать чада». Предписания, которые мы находим в этом букваре, традиционные для средневековых дидактических сборников, и их цель — воспитание христианского благочестия; среди этических понятий чаще всего встречаются «милость», «милосердие», «добро», «любовь», «долготерпение». Отцам в букваре дается наставление: «Отцы, не раздражайте чадъ своих, но воспитайте их в наказании, поучении Господни, в страсе Божии, в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга, и прощение даруеще... Надо всеми же сими любовь» [13, 54 об.–55]. Также в состав учебника были включены «Сказание» Черноризца Храбра и житие Кирилла (Константина) Философа [13], которое весь древнерусский период было одним из наиболее популярных агиографических текстов. Просветитель славян в этом житии предстает как человек, который с юных лет избрал себе в супруги Божественную Премудрость и посвятил всю свою жизнь служению ей.

Вышедшее спустя три года издание [14] было изменено, оно начинается предисловием («Предисловие в кратце первой учебней сей малей книжице азбуце»), в котором говорится:

Сия зримая малая книжица.  
По реченному алфавитница.  
Напечатана бысть по царскому велению.  
Вам малым детям к научению.  
Ты же благоумное отроча сему внимай.  
И от нижняя степени на вышнюю восступай.  
И не леностне и нерадиве всегда учися.  
И дидакакала своего во всем добрем наказании блюдися [14, л. 5–5 об.].

Предисловие начинается с экскурса в священную историю, в нем говорится о том, что бог сотворил мир своей премудростью и человека по своему образу и подобию. От религиозной антропологии автор переходит к рассказу о просвещении как божественном действии: бог создает человека, способным к «богоразумию» и дает ему «грамотное учение на просвещение ума его и смысла, и на прославление святаго своего троичнаго имени» [14, л. 2 об.–3]. Дальнейшее рассуждение представляет собой переложение «Сказания о буквах» Черноризца Храбра, где алфавиты ранжируются как по времени возникновения, так и по сакральности, и доказывается особая ценность именно славянского алфавита, созданного святыми. В тексте букваря встречается обычный набор этических понятий, среди которых достаточно важным для понимания связи морали со знанием является «благоумие». Оно напоминает об онтологическом гносеологизме древнерусской культуры, для которой было характерно представление о связи разума и чувства, ума и сердца. Во многих текстах, и в частности в тексте XVI в. «О человечестем естестве, о видимем и невидимем», доказывается, что гармоничное развитие человека, позволяющее ему постичь мудрость, достигается только взаимодействием разума «с сердцем». [15, р. 77] Возможно, это представление, глубоко укоренившись в отече-

ственной культуре, способствовало развитию экзистенциального направления в русской религиозной философии.

В России XVII в. обучение грамоте начиналось с «малых» азбук [16, с. 177], но эти «азбуки-восьмилистки» до нашего времени не дошли, хотя тиражи их были для того времени огромны (за вторую половину семнадцатого столетия Печатный двор выпустил 53 издания букварей общим тиражом 325 100 экземпляров [12]). В кратких многотиражных букварях этической проблематике уделялось не слишком большое внимание, по всей видимости, акцент делался не на морально-этических ценностях, а на вероучительной составляющей. В качестве примера можно указать опубликованный в Москве в 1679 г. тиражом 4800 экземпляров «Букварь языка славенска, писаний чтения учиться хотящим» («Азбука с орацией»). Этические понятия мы встречаем только в грамматическом разделе «Слози именъ по азбуце под титлами». Это христианские добродетели: «милость. милосердие», «честь. Честенъ. Честный» [16, с. 187].

Помимо печатных сборников были широко распространены рукописные. Это могли быть как простые «тетрадки», которые не сохранились, так и прекрасно оформленные, лицевые буквари. С точки зрения морально-этического и религиозно-антропологического содержания несомненный интерес представляет сборник, хранящийся в Российской национальной библиотеке и получивший условное название «Алфавитицы дидаскала» [17], куда вошел текст о чрезвычайно важной для христианской этико-антропологической мысли проблеме — природе зла. Подобные рассуждения, восходящие к аристотелевской традиции, мы встречаем в древнерусской книжности достаточно часто (например, в произведениях Никифора Грека или Кирилла Туровского), также разбираются «душевные чувства» (ум, смысл, мечтание, слово, чувство) и «телесные чувства» (которых тоже пять, и эта числовая символика достаточно часто встречается в восточнохристианской литературе). Так, популярный на Руси Мефодий Патарский возводит эту символику к евангельской притче о десяти девах. Взаимоотношение разума, чувств и эмоций — центральная тема для христианской аскетики и одна из ключевых в христианстве с древности и вплоть до наших дней [18].

Анализ отечественной культуры раннего нового времени показывает, что несмотря на мощные трансформации, в XVII — начале XVIII столетий, она по-прежнему представляла из себя гипертекст, стержнем которого было христианское вероучение, отразившееся в книжных текстах, которые визуализировались в иконах, фресках и проч., а также в ритуалах и перформансах религиозного характера (до конца XVII столетия их было достаточно много, это и «шествие на осляти», и «пещное действо», и множество других, вплоть до похорон царственных особ). Роль визуальных образов была очень велика в культуре той эпохи, поскольку владение техниками иконографической концептуализации [19] было столь же важно для образованного человека, как и умение читать, очень ярко это проявилось в многочисленных «эмблематах», дидактических сочинениях, «учебниках» [20]. В уже упоминавшемся букваре Бурцова 1637 г. также есть изображение, демонстрирующее дисциплинарные практики образовательного, это первое светское изображение, которое напоминает нам о том, что четыреста лет назад дисциплинирование предполагало телесные наказания. Огромное воздействие на визуальный код русской культуры конца семнадцатого столетия оказал один из самых популярных учеб-



ников XVII–XVIII в. “Orbis sensualium pictus” (первое издание — 1658 г.) Яна Амоса Коменского (Comenius) (1592–1670). Коменский принадлежал к общине Unitas Fratrum («богемские братья» или «чешские братья»), мистическому ответвлению гуситов, и был их последним епископом на родине возникновения общины, в Богемии. Стержнем его педагогических, лингвистических и философских трудов было создание эпистемологического метода, тесно связанного с современным энциклопедическим стремлением к полному знанию [21], пансофии («всеобщее знание»), в «которой все вещи были бы связаны друг с другом в гармонии «неподвижной истины» и вели бы тем самым к неустанным поискам Бога» [22, с. 222]. В практическом плане такой метод способствовал комплексному подходу к образованию, целью которого было создание идеального человека, способного преобразить мир, изменив политику, экономику и даже язык (современные языки, а также латынь, Коменский считал ограниченными). С 1658 г. “Orbis” переиздавался 248 раз на 18 языках [23]. Это была небольшая энциклопедия и учебник латыни, в которой автор «попытался набросать иллюстрированную номенклатуру всех основных вещей мира и действий человека и даже задержал публикацию книги, дожидаясь изготовления соответствующих его замыслу гравюр — не просто украшающих издание, как было принято в тогдашнем типографском деле, а имеющих явную иконическую связь с представленными вещами, чьи вербальные имена являлись всего лишь заголовками, объяснениями, дополнениями» [22, с. 221]. В учебнике Коменского все анализируемые понятия (в том числе и этические) или рассказы о «чувственных вещах» сопровождались изображением с текстом на латыни и родном языке. Такой подход объясняется тем, что Коменский считал, что «сначала необходимо развивать внешние чувства ребенка: память, понимание и суждение, поскольку знание начинается с чувственного восприятия и потом через представление переходит в память» [24, с. 91]. Сто пятьдесят глав рассказывали о божественном, космосе, стихиях, минералах, растениях и животных, экономике и жизни человеческого общества, морали, политике, и религиях. Раздел «Ефика» знакомил ученика с такими понятиями, как *virtus* (добродетель), *honor* (честь), *prudentia* (благоразумие), а в разделе «Тщание / *Sedulitas*» (усердие) упоминается и понятие «труд» (*opus*), которое в то время как в западноевропейской, так и в русской традиции больше не воспринимается исключительно как наказание за первородный грех, а становится атрибутом достойной жизни, устройство которой немислимо без понятия меры (*modus*) в разделе «Воздержание».

В России одним из наиболее ярких примеров рецепции «Orbis sensualium pictus» является лицевой букварь Кариона Истомина. В отличие от букварей, изданных Василием Бурцовым, этот букварь никогда не выходил массовым тиражом, поскольку гравюры, а тем более, раскрашенные гравюры, значительно увеличивали стоимость издания (российское издание «Orbis sensualium pictus» вышло без иллюстраций). Рукописный «Лицевой букварь» был поднесен в 1693 г. Истоминным царице Наталье Кирилловне для царевича Алексея Петровича, в следующем году царице Прасковье Федоровне (очевидно для обучения дочерей). Букварь был гравирован и оттиснут в количестве 20 экземпляров. Этот букварь интересен нам по нескольким причинам. Во-первых, это, по всей видимости, первая российская рецепция учебника Коменского (влияние визуальных образов Коменского ощущается и в других иллюстрированных текстах Кариона Истомина), силлабические

сентенции иллюстрируются гравюрами, а в текстах подчеркивается примат разума, а во-вторых в нем присутствует Декалог. Сейчас мы можем встретить Декалог в любом издании «Закона Божия», но для XVII в. это было нововведением. «Закон Моисеев» в течение большей части Средневековья не служил руководством для морального поведения в христианской среде, поскольку воспринимался как часть мицвот (свода заповедей иудаизма). В западном христианстве отношение к Декалогу как списку моральных правил постепенно менялось со времен Августина и до Латеранского собора 1215 г., который ввел обязательную ежегодную исповедь, что способствовало возникновению нового жанра исповедной литературы, в которой Декалог играл значительную роль [25]. В российской богослужебной практике Декалог появляется благодаря апроприации катехетической традиции западного христианства через посредство украинской и белорусской традиций нравственно-богословия в XVII в. [3, p. 72; 27].

Говоря об учебных пособиях Кариона Истомина, необходимо также упомянуть, что он одним из первых переложил на русский язык педагогический трактат Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*» (влияние которого ощущается и в некоторых стихах «Лицевого букваря» Истомина), свое стихотворное переложение Истомин назвал «Домострой» и тем самым поставил этот текст вровень с теми «домоустроительными» текстами, которые бытовали со времен поздней античности и стали образцом для русского «Домостроя», описывающего идеальное устройство повседневной жизни человека. Без «*De civilitate morum puerilium*» невозможно представить европейскую культуру Нового и Новейшего времен [28]. Именно в этом трактате впервые вводится понятие «воспитанность» как норма поведения любого человека вне его сословной принадлежности. Эразм доказывает, что воспитанность — это универсальная характеристика человека, и хорошие манеры, достойное поведение — это своеобразное зеркало души, показатель гармоничности развития, и уже поэтому они обладают моральной ценностью. В России этот учебник стал известен не позднее XVII в. (его фрагменты встречаются и в рукописных азбуках конца столетия, как например, в «Алфавитаре ради учения малых детей», изданном Марией Брагоне [28]), неоднократно переводился вплоть до XIX в. (одно из наиболее известных его переложений — «Гражданство обычаев детских», были также «Гражданство нравов благих, на краткия вопросы разделенное» (что связано его вопросно-ответной формой русского перевода), «Гражданство и обучение нравов детских», «Златая книжица о гожении нрав»). К началу XX в. он даже стал восприниматься как самобытное древнерусское произведение. В петровскую эпоху на его основе было составлено известное учебное пособие «Юности честное зеркало».

Изучение достаточно узкого сегмента религиозно-дидактической литературы семнадцатого столетия показывает, как на протяжении 70 лет изменились подходы к обучению, само представление об образованном человеке, когда к знанию о морально-религиозных предписаниях добавились представления о том, как должен вести себя образованный человек. Благодаря активному освоению западно-европейской религиозно-философской традиции (в данном случае это тексты Яна Амоса Коменского и Эразма Роттердамского) и переводам начался процесс апроприации философской этической терминологии, что подготовило почву для революционных изменений отечественной религиозной и светской культуры XVIII в.,

когда благодаря переводной учебной литературе в область нравственной рефлексии вошли темы гражданства, человеческого достоинства, усилилось ценностное восприятие труда и научного знания.

## Литература

1. Ivanov, A. (2020), *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*, Madison, WI: University of Wisconsin Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv17hmb4d>.
2. Kivelson, V., Greene, R. (eds), (2003), *Orthodox Russia: Belief and Practice Under the Tsars*, University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
3. Charipova, L. (2006), *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*. Manchester: Manchester University Press.
4. Sorkin, D. (2008), *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
5. Корзо, М. (2020), О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI — начало XIX века), ч. I, *Человек*, т. 31, № 3, с. 116–134.
6. Живов, В. М. (2012), Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия, *Cahiers du monde russe*, vol. 53, no. 2–3. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9386>.
7. Kivelson, V. (2013), *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia*. Cornell University Press.
8. Черноризец Храбръ (1980), О писменеяхъ: Критическое издание, Изгот. Алда Джамбелука-Косова. София.
9. Берков, П. Н. (1969), Книга в поэзии Симеона Полоцкого, *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 24, Л.: Наука, с. 261–266.
10. Степанов, Ю. С. и Проскурин, С. Г. (1993), *Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия*, М.: Наука.
11. Сазонова, Л. И. и Гусева, А. А. (1998), Бурцов Василий Федоров, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П–С, СПб.: Наука, с. 148–153.
12. Marker, G. (1989), Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation. *The Russian Review*, vol. 48(1), p. 1–19. <https://doi.org/10.2307/130251>.
13. *Букварь* (1634), Печатник В. Ф. Бурцов, М.: Печатный двор.
14. *Букварь* (1637), Печатник В. Ф. Бурцов, М.: Печатный двор.
15. Chumakova, T. (2016), Irrationalism in Ancient Russia, in Tabachnikova O. (ed.), *Facets of Russian Irrationalism between Art and Life*. Leiden, The Netherlands: Brill, Rodopi, p. 77–93. [https://doi.org/10.1163/9789004311121\\_004](https://doi.org/10.1163/9789004311121_004).
16. Шустова, Ю. Э. (2018), Неизвестное издание московского Букваря 1679 г. из собрания Отдела редких книг Российской государственной библиотеки, *Детские чтения*, т. 13(1), с. 176–193.
17. Кошелева, О. Е. (2015), «Алфавитицы дидаскала» и формирование учебной книги в рукописной традиции второй половины XVII в., в *В России надо жить по книге: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.)*. Сборник научных статей и материалов, М.: Памятники исторической мысли, с. 30–41.
18. Scrutton, A. P. (2011), *Thinking through feeling: God, emotion and possibility*, New York: Bloomsbury Academic and Continuum.
19. Gombrich, E. H. (1984), *Art and illusion* (Bollingen Series 35), Princeton, NJ: Princeton University Press.
20. Enenkel, K. A. (2018), The Transmission of Knowledge via Pictorial Figurations: Vaenius' Emblemata Horatiana (1607) as a Manual of Ethics, in *Invention of the Emblem Book and the Transmission of Knowledge, ca. 1510–1610*, Leiden: Brill, pp. 365–438.
21. Nakládalová, I. (2016), Johann Amos Comenius: Early Modern Metaphysics of Knowledge and ars excerptandi, in Cevolini, A. (ed.), *Forgetting Machines: Knowledge Management Evolution in Early Modern Europe*. Leiden: Brill, pp. 188–208. [https://doi.org/10.1163/9789004325258\\_009](https://doi.org/10.1163/9789004325258_009).
22. Эко, У. (2007), *Поиски совершенного языка в европейской культуре*, пер. с итал. Миролубова, А., СПб.: Alexandria.
23. Turner, J. (1972), The Visual Realism of Comenius, *History of Education*, vol. 1, no. 2, p. 113–138, <https://doi.org/10.1080/0046760720010201>.
24. Блонский, П. П. (1915), *Ян Амос Коменский*, М.: К. И. Тихомиров.



25. Desplenter, Y. and Pieters, J. (2017), Introduction, Exploring the Decalogue in late medieval and early modern culture, in *The Ten Commandments in Medieval and Early Modern Culture*, Leiden: Brill, pp. 1–12.

26. Корзо, М. А. (2014), «В Десятословии ничтоже являет нам вечного обетования». К вопросу о месте декалога в православной мысли XVII — начала XVIII вв., *Вестник русской христианской гуманитарной академии*, т. 1, № 1, с. 49–56.

27. Chartier, R. (2019), *The Cultural Uses of Print in Early Modern France*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

28. Bragone, M. C. (2008), *Alfavitari radi ucenija malych detej: un abbecedario nella Russia del Seicento*, Firenze: Firenze University Press.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2020 г.;  
рекомендована в печать 25 июня 2021 г.

Контактная информация:

Чумакова Татьяна Витаутасовна — д-р филос. наук, проф.; t.chumakova@spbu.edu

## Ethical concepts in Russian religious-didactic literature of the 17<sup>th</sup> century\*

T. V. Chumakova

St. Petersburg State University,  
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

**For citation:** Chumakova T. V. Ethical concepts in Russian religious-didactic literature of the 17<sup>th</sup> century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 568–578. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.316> (In Russian)

The article offers an analysis of ethical concepts in Russian religious-didactic literature of the 17<sup>th</sup> century. The main sources are alphabets published in Moscow. There were two alphabets printed by Vasily Burtsov, and an alphabet by Karion Istomin, as well as “*Azbuka s oratsiyey*” (Alphabet with Didactics), and the manuscript “*Alfavititsy didaskala*” (Small Alphabet of a Teacher). These alphabets can be considered as religious-didactic literature because in addition to grammar, these manuals included the narration “*On the Letters*” by Chernorizets Hrabar (Hrabar, the Black Robe Wearer), extensive religious-anthropological reasoning, prayers, the Credo, Decalogue (in the Alphabet by Karion Istomin only), the Beatitudes, and other texts which were presented in Catholic catechisms of that time, as well as in the “*Profession of Faith*” by Peter Mogila (he used the Catholic catechism in his “*Profession*”). The influence of Reformation ideas is obvious, too. Several works by Karion Istomin, the alphabet primarily, were written and illustrated under the influence of “*Orbis sensualium pictus*” by John Amos Comenius, the last bishop of the Unity of Brethren (Bohemian or Moravian Church). The content of these manuals (including visual content) allows us to conclude that their mass publication was induced by the disciplinary revolution that began after the end of the *Smuta* (the Time of Troubles) in Russia, which is associated with the House of the Romanovs coming to power. The creation of a new tsardom was impossible without new people whose education was based on religious ideas and regulations. Ethical concepts in these books were almost inseparable from religious regulations, which is explained by the doctrinal aims of primary education in Russia of the 17<sup>th</sup> century.

**Keywords:** moral concepts, orthodoxy, religion in Russia, religious and didactic works, Russian culture of the 17<sup>th</sup> century.

---

\* This article was completed with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-011-00766 “Categorical system of Russian ethical thought”.

## References

1. Ivanov, A. (2020), *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*, Madison, WI: University of Wisconsin Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv17hmb4d>.
2. Kivelson, V., Greene, R (eds), (2003). *Orthodox Russia: Belief and Practice Under the Tsars*, University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
3. Charipova, L. (2006), *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*. Manchester: Manchester University Press.
4. Sorkin, D. (2008), *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
5. Korzo, M. (2020), On the Forms and Content of Moral Instruction in School Books and Children's Reading Books of the 16<sup>th</sup> to the Early 19<sup>th</sup> Centuries, pt. I, *Chelovek*, vol. 31, no. 3, pp. 116–134. (In Russian)
6. Zhivov, V.M. (2012), Two stages of the disciplinary revolution in Russia of the XVII and XVIII centuries, *Cahiers du monde russe*, vol. 53, no. 2–3. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9386>. (In Russian)
7. Kivelson, V. (2013), *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia*. Cornell University Press.
8. Chernorizets Hrabar (1980), *About writing: a critical edition*, ed. by A. Jambeluka-Kossova, Sofia: Academy of Sciences Publ. (In Bulgarian)
9. Berkov, P.N. (1969), A book in the poetry of Simeon Polotsky, *Trudy Otdela drevnerusskoi literaturi*, vol. 24, Leningrad: Nauka Publ., pp. 261–266. (In Russian)
10. Stepanov, Iu. S., Proskurin, S. G. (1993), *Constants of World culture: Alphabets and alphabetic texts in the Periods of Double-belief*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
11. Sazonova, L. I., Guseva, A. A. (1990), Burtsov Vasilij Fedorov, in *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus'*, is. 3 (XVII cent.), pt. 3, St Petersburg: Nauka Publ., pp. 148–153. (In Russian)
12. Marker, G. (1989), Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation, *The Russian Review*, vol. 48(1), pp. 1–19. <https://doi.org/10.2307/130251>.
13. *Primer* (1634), Publisher V. F. Burtsov, Moscow: Print Yard. (In Russian)
14. *Primer* (1637), Publisher V. F. Burtsov, Moscow: Print Yard. (In Russian)
15. Chumakova, T. (2016), Irrationalism in Ancient Russia, in Tabachnikova, O. (ed.), *Facets of Russian Irrationalism between Art and Life*, Leiden, The Netherlands: Brill, Rodopi, pp. 77–93. [https://doi.org/10.1163/9789004311121\\_004](https://doi.org/10.1163/9789004311121_004).
16. Shustova, Iu. E. (2018), Unknown edition of the Moscow Primer of 1679 from the collection of the Rare Books Department of the Russian State Library, *Children's Readings*, vol. 13(1), pp. 176–193. (In Russian)
17. Kosheleva, O. E. (2015), “The alphabets of didascal” and the formation of an educational book in the handwritten tradition of the second half of the XVII century, in “*In Russia we must live by the book*”: initial training in reading and writing (the formation of an educational book in the XVI–XIX centuries), collection of scientific articles and materials, Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., pp. 30–41.
18. Scrutton, A. P. (2011), *Thinking through feeling: God, emotion and possibility*, New York: Bloomsbury Academic, Continuum.
19. Gombrich, E. H. (1984), *Art and illusion* (Bollingen Series 35), Princeton, NJ: Princeton University Press.
20. Enenkel, K. A. (2018), The Transmission of Knowledge via Pictorial Figurations: Vaenius' Emblemata Horatiana (1607) as a Manual of Ethics, in *The Invention of the Emblem Book and the Transmission of Knowledge, ca. 1510–1610*, Leiden: Brill, pp. 365–438.
21. Nakládalová, I. (2016), Johann Amos Comenius: Early Modern Metaphysics of Knowledge and ars excerptendi, in Cevolini, A. (ed.), *Forgetting Machines: Knowledge Management Evolution in Early Modern Europe*, Leiden: Brill, pp. 188–208. [https://doi.org/10.1163/9789004325258\\_009](https://doi.org/10.1163/9789004325258_009).
22. Eco, U. (2007), *The search for a perfect language in European culture*, trans. from Italian by Miroliubova, A., St. Petersburg: Alexandria Publ.
23. Turner, J. (1972), The Visual Realism of Comenius, *History of Education*, vol. 1, no. 2, pp. 113–138. <https://doi.org/10.1080/0046760720010201>.
24. Blonsky, P. P. (1915), *Jan Amos Komensky*, Moscow: K. I. Tikhomirov Publ.
25. Desplenter, Y. and Pieters, J., (2017), Introduction, Exploring the Decalogue in late medieval and early modern culture, in *The Ten Commandments in Medieval and Early Modern Culture*, Leiden: Brill, pp. 1–12.

26. Korzo, M. A. (2014), “Nothing gives us an eternal promise in the Decalogue”. To the place of the Decalogue in the Orthodox thought, the 17<sup>th</sup> — beginning of the 18<sup>th</sup> century, *Review of the Christian Academy for the Humanities*, vol. 15, iss. 1, pp. 49–56.

27. Chartier, R. (2019), *The Cultural Uses of Print in Early Modern France*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

28. Bragone, M. C. (2008), *Alphabet for teaching young children: a Russian primer of the XVII century*, Firenze: Firenze University Press, 2008.

Received: July 25, 2020

Accepted: June 25, 2021

Author's information:

Tatiana V. Chumakova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; t.chumakova@spb.edu